

Жорж Санд

Пиччинино

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Ж81

Ж81 **Жорж Санд**
Пиччинино / Жорж Санд – М.: Книга по Требованию, 2012. – 312 с.

ISBN 978-5-4241-2898-1

"Пиччинино" - произведение с обилием приключений, со сложной и запутанной интригой, полное роковых семейных тайн и примеров возвышенной любви, населенное героями и злодеями "классической мелодрамы", по выражению самого автора.

ISBN 978-5-4241-2898-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Жорж Санд
Пиччинино

*Моему другу
Эмманюэлю Араго
в память о вечере,
проведенном
в семейном кругу.*

I. ПУТНИК

Область, называемая Piedimonta¹ и простирающаяся от подножия Этны до самого моря, где лежит город Катания, представляет собой, по отзывам всех путешественников, самую прекрасную страну в мире. Поэтому я и решил избрать ее местом действия для истории, рассказанной мне с условием не называть ни селений, ни подлинных имен ее героев. Итак, друг читатель, соблаговоли перенестись воображением в область, именуемую Valdemona, что значит Долина Демонов. Это чудесный край, который, однако, я не намерен описывать тебе подробно, по той простой причине, что совершенно его не знаю, а хорошо описывать то, что известно лишь понаслышке, — вещь невозможная. Но ведь есть столько прекрасных книг о путешествиях, к которым ты можешь обратиться, если, впрочем, не предпочтешь посетить этот уголок лично; я бы и сам охотно совершил подобное путешествие хоть завтра, но только не вместе с тобой, читатель, ибо при виде тамошних чудес ты стал бы бранить меня за то, что я плохо их описал, а в дороге нет ничего хуже, чем спутник, читающий тебе наставления.

В ожидании лучших времен фантазии моей угодно, чтобы я увел тебя подальше, по ту сторону гор, оставив в покое мирные селения, которые я так охотно избираю местом действия своих рассказов. Причина здесь самая пустая, но я все-таки сообщу ее тебе.

Не знаю, помнишь ли ты — раз уж ты так добр, что читаешь мои сочинения, — как год тому назад я представил на твой суд роман под заглавием «Грех господина Антуана», где события развертываются на берегу Крезы, и главным образом — среди развалин старого замка Шатобрен. Дело в том, что замок этот существует на самом деле, и хотя он находится в десяти лье от моего жилища, я неизменно каждый год совершаю в те края по крайней мере одну прогулку. В этом году меня там весьма недружелюбно встретила старая крестьянка, приставленная стеречь эти развалины.

— Коли правду говорить, — сказала она на своем полуберрийском, полумаршском наречии, — так я на вас в большой обиде. Звать-то меня вовсе не Жанилла, а Женни, и дочки у меня никакой нет, и вовсе я своего барина за нос не вожу, и барин мой блузы не носит, это уж вы приврали, я его в блузе и не видывала! — и т.д., и т.д. — Грамоте я не знаю, — продолжала она, — а вот знаю, что вы про меня и про моего барина дурное написали, и за это я вас больше не люблю.

Таким образом мне стало известно, что неподалеку от развалин Шатобрена живет некий престарелый господин де Шатобрен, который не носит блузы. Вот, впрочем, все, что я о нем знаю.

Но это научило меня, каким нужно быть осторожным, когда пишешь о Марше или о Берри. Вот уж который раз со мной случается нечто подобное: лица, носящие имя одного из моих героев или живущие в описанных мною краях, обидевшись и пылая гневом, обвиняют меня в клевете, никак не желая поверить, что имена их я взял случайно и понятия не имел о самом их существовании.

Чтобы дать им время успокоиться, пока я снова не принялся за старое, я решил прогуляться теперь по Сицилии... Но как же мне быть, чтобы случайно не упомянуть лица или места, в самом деле существующего на этом прославленном острове? Ведь героя-сицилийца не назовешь Дюраном или Вольфом, и на всей

карте Сицилии не найти названия, которое походило бы на Понтуаз или Баден-Баден. Поневоле придется мне дать своим персонажам и местностям имена, оканчивающиеся на а, на о или и. Не слишком заботясь о географической точности, я выберу такие, которые легко произносятся, и заранее заявляю, что у меня нет в Сицилии даже знакомой кошки, а следовательно, не может быть и намерения кого-либо там описать.

После всего сказанного я считаю, что волен выбирать любое имя, а выбор имен — это самое трудное для писателя, желающего искренно полюбить создаваемые им образы. Прежде всего мне нужна княжна с блестящим именем — одним из тех, что высоко возносят особу, которая его носит. А в том краю столько красивых имен! Акалия, Мадония, Валькорренте, Вальверде, Примосоле, Тремистери и т.п., и все они ласкают слух, как прекраснейшие аккорды. Но если случайно в каком-либо знатном семействе, носящем имя своего феодального поместья, приключилась история, подобная той, какую я собираюсь рассказать, история, надо признаться, довольно щекотливая, меня, пожалуй, опять обвинят в злословии и клевете. К счастью, Катания отсюда далеко, романы мои вряд ли читаются по ту сторону мессинского маяка, и я надеюсь, что новый папа из милости продолжит то, что его предшественник совершил по неизвестной ему самому причине, то есть оставит меня в списке авторов, запрещенных католической церковью. Это позволит мне свободно говорить об Италии, в то время как в Италии, а тем более в Сицилии, об этом никто и знать не будет.

Итак, княжну свою я назову княжной Пальмароза. Ручаюсь, что ни в одном романе вы не найдете столь звучной и, можно сказать, столь цветистой фамилии. Следует, однако, подумать об имени, данном княжне при крещении. Назовем ее Агатой, ибо святая Агата считается покровительницей Катании. Но я попрошу читателя произносить именно Агата, следуя местному обычаю, даже тогда, когда мне, по рассеянности, случится написать это имя на французский лад, то есть без а на конце.

Героя моего будут звать Микеланджело Лаворатори, только не спутайте его со знаменитым Микеланджело Буонаротти, умершим по меньшей мере за двести лет до рождения моего Микеле.

Что касается времени описываемых событий, а это еще одно досадное затруднение в начале каждого романа, то предоставляю вам, любезный читатель, выбрать его по своему усмотрению. Но поскольку мои действующие лица будут исповедовать идеи, имеющие хождение в современном обществе, и мне, при всем моем желании, невозможно говорить о них как о людях прошлых времен, история княжны Агаты Пальмароза и Микеланджело Лаворатори происходит, очевидно, где-то между 1810 и 1840 годами. Можете по своему усмотрению установить год, день и час, с которого начинается мое повествование; мне это все равно, ибо роман мой не является ни историческим, ни описательным, и я ни в том, ни в другом отношении не претендую на точность.

Итак, в этот день... — пусть это будет, если вам угодно, ясный осенний день — Микеланджело Лаворатори пробирался извилистыми тропами то вниз, то вверх по ущельям и ложбинам, бороздящим склоны Этны и спускающимся к плодородной Катанской равнине. Герой наш прибыл из Рима, переправился через Мессинский пролив и пешком добрался до Таормины. Отсюда, очарованный зрелищем, со всех сторон открывшимся его взору, и не зная, куда смотреть — то

ли на морское побережье, то ли на горы, он уже пошел почти наугад, колеблясь между желанием поскорее обнять отца и сестру и соблазном поближе подойти к гигантской огнедышащей горе, глядя на которую готов был согласиться с мнением Спалланцани, что Везувий по сравнению с ней не более как игрушечный вулкан.

Так как Микеланджело путешествовал в одиночестве и пешком, он не раз сбивался с пути среди застывших лавовых потоков, образующих где обрывистый утес, а где лощину, покрытую роскошной растительностью. Когда непрестанно то поднимаешься в гору, то спускаешься с кручи, путь поневоле оказывается длинным, но на деле весьма мало подвигаешься вперед, и дорога из-за подобных естественных преград становится вчетверо длиннее. Микеле потратил целых два дня на то, чтобы пройти расстояние в каких-нибудь десять лье, отделяющих по прямой линии Таормину от Катании. Но теперь он был уже близко, почти у цели, ибо, миновав Кантаро и Маскарелло, Пьяно-Гранде, Вальверде и Маскалучью, он оставил наконец вправо от себя Санта-Агату, а влево — Фикарацци и находился уже не более чем в одном лье от предместья города. Еще какие-нибудь четверть часа, и все трудности его пешего путешествия окажутся позади; несмотря на восторженное изумление, которое должна была внушать молодому художнику столь величественная природа, он достаточно натерпелся в дороге от жары в ущельях, от холода на горных вершинах, от голода и усталости.

Но на склоне последнего холма, который ему предстояло еще преодолеть, проходя вдоль стены громадного парка и устремив взор на город и гавань, он заспешил, чтобы наверстать упущенное время, споткнулся о корень оливы и сильно ушиб ногу; боль была очень резкой, так как после двух дней ходьбы по острым обломкам окаменевшей лавы и горячему пуццолану, башмаки его износились и ноги были все изранены.

Вынужденный остановиться, он увидел, что находится перед небольшой нишей, где стоит статуя мадонны. Эта маленькая часовня с выступающим каменным навесом и скамьей служила гостеприимным убежищем для прохожих и удобным местом ожидания для нищих, монахов и прочего бедного люда, ибо была расположена у самых ворот виллы, изящное здание которой было видно нашему путнику сквозь листву тройного ряда апельсиновых деревьев, окаймлявших длинную аллею.

Микеле, скорее досадуя на эту внезапную боль, чем страдая от нее, сбросил дорожный мешок, сел на скамью, вытянул ушибленную ногу и вскоре совсем позабыл о ней, погрузившись в раздумье.

Чтобы познакомить читателя с мыслями молодого человека и вызвавшими их причинами, следует рассказать о нем подробнее. Микеле было восемнадцать лет, и он учился живописи в Риме. Отец его, Пьетранджело Лаворатори, был простым мастером-живописцем, впрочем весьма искусным в своем деле. Известно, что в Италии ремесленники, расписывающие стены и потолки, — почти художники. То ли в силу традиции, то ли вследствие прирожденного вкуса, они создают чудесные орнаменты, и в самых скромных жилищах, даже в убогих харчевнях, взор наш радуется гирляндам и розеткам в прелестном стиле, а то и просто бордюры, удивительно удачно дополняющие своим цветом гладкий тон панелей и обшивок. Росписи эти нередко бывают выполнены с не меньшим совершенством, чем наши бумажные обои, но намного превосходят их свободой исполнения, свой-

ственной всякой ручной работе. Ничего нет скучнее, чем строгий правильный орнамент, созданный машинами. Красота китайских ваз, да и всех вообще китайских изделий, заключается именно в той причудливой непринужденности, которую только рука человека может придать своим произведениям. Изящество, свобода, смелость, неожиданные находки, а подчас даже наивное неумение придают декоративной живописи особое очарование, с каждым днем все реже встречающееся в нашем обществе, где все начинает производиться машинами и станками.

Пьетранджело был одним из самых искусных и изобретательных *adornatori*². Уроженец Катании, он жил в ней со своим семейством вплоть до рождения Микеле, когда вдруг неожиданно покинул родину и переехал в Рим. Причину своего добровольного изгнания он объяснял тем, что семья его увеличивается, что в Катании у него слишком много конкурентов, работы у него становится все меньше, словом — что он хочет попытать счастья на чужой стороне. Но тайком поговаривали, будто он бежал от гнева неких вельмож, весьма могущественных и весьма преданных неаполитанскому двору.

Всем известна ненависть, которую завоеванный и поработенный народ Сицилии питает к правительству, находящемуся по ту сторону пролива. Гордый и мстительный сицилиец вечно бурлит, как и его вулкан, а подчас и извергает огонь. Ходили слухи, будто Пьетранджело оказался замешанным в народном заговоре и вынужден был бежать вместе со своим семейством и своими кистями. Его жизнерадостный и благодушный нрав, казалось, исключал подобные предположения, но живому воображению жителей катанского предместья необходима была необычайная причина, чтобы объяснить внезапный отъезд любимого мастера, о котором жалели все его товарищи.

В Риме, однако, он не нашел счастья, ибо потерял там всех своих детей, кроме Микеле, а некоторое время спустя умерла и его жена, подарив жизнь девочке; юный брат стал ее крестным отцом, и назвали ее Мила — уменьшительное от Микеланджело.

Оставшись только с двумя детьми, Пьетранджело стал менее веселым, но зато более обеспеченным и, работая без устали, сумел дать своему сыну воспитание, намного превосходившее то, какое получил сам. К этому ребенку он проявлял особую любовь, доходившую порой до слабости, и хотя Микеле рос в бедной и скромной семье, он был изрядно избалован.

Старших своих сыновей Пьетранджело заставлял трудиться, с ранних лет стараясь внушить им тот рабочий пыл, каким отличался сам. Но небо не послало им тех сил, какими обладал их отец, и они погибли, не выдержав чрезмерного напряжения. То ли наученный печальным опытом, то ли считая, что теперь, когда в семье осталось всего трое, включая его самого, он и один сумеет прокормить ее, но только Пьетранджело, казалось, больше думал о здоровье своего младшего сына, чем спешил сделать из него мастера, способного заработать себе на хлеб.

Мальчик, однако, очень любил рисовать и, играя, рисовал плоды, цветы и птиц, прелестно их раскрашивая. Однажды он спросил у отца, почему тот никогда не изображает на своих фресках человеческие фигуры.

— Еще чего захотел — фигуры! — ответил благоразумный Пьетранджело. — Их надо делать либо очень хорошо, либо вовсе за них не братья. Мне для этого недостает умения. Мои гирлянды и арабески всем нравятся, но если на потолке

у меня запляшут хромые амуры и горбатые нимфы, меня засмеют все знатоки.

— А что, если попробую я? — спросил мальчик, который робостью не отличался.

— Попробуй сначала на бумаге; может, для твоих лет получится и неплохо, но только ты скоро сам увидишь, что без учения нет и умения.

Микеле попробовал. Пьетранджело показал рисунки сына любителям и даже художникам, и все признали у мальчика большие способности и посоветовали не связывать ему рук, приучая к труду ремесленника. С того времени Пьетранджело решил сделать из сына живописца, послал его в одну из лучших мастерских Рима и полностью избавил его от приготовления красок и малевания стен.

«Одно из двух, — справедливо рассуждал он, — либо из этого ребенка выйдет художник, либо, если способности его не так уж велики, он вернется к орнаментам; зато у него будут знания, каких у меня нет, и в своем деле он станет первостепенным мастером. Так или этак, а жить ему будет легче, и обеспечен он будет лучше, чем я».

Нельзя сказать, чтобы Пьетранджело был недоволен своей участью, но он отличался тем легкомыслием и даже беспечностью, которые свойственны очень трудолюбивым и очень здоровым людям. Он всегда полагался на судьбу, может быть потому, что рассчитывал при этом на собственные руки и собственное трудолюбие. Но будучи человеком умным и проницательным, он рано подметил у Микеле искру честолюбия, которого у других его детей не было. Отсюда он заключил, что та степень благополучия, которой достиг он сам, для более сложной натуры Микеле окажется недостаточной. Чрезмерно терпимый, он твердо верил, что у каждого человека есть врожденные способности, определить которые может лишь он сам, а потому уважал чувства и склонности Микеле, как дарованные ему свыше, и в этом оказался столь же великодушным, сколь и неосторожным.

Ибо неизбежным следствием этой слепой снисходительности явилось то, что Микеланджело, никогда не испытывавший ни горестей, ни страданий, привык ни в чем не знать отказа и считать себя личностью более значительной и интересной, чем все прочие. Свои прихоти он часто принимал за серьезные желания, а исполнение этих желаний считал своим правом. К тому же его рано посетил недуг, свойственный всем счастливым, а именно страх потерять свое счастье, и в самый разгар успехов он мог вдруг упасть духом при мысли о возможной неудаче. Смутное беспокойство охватывало его тогда, а так как по природе он был энергичен и смел, беспокойство это подчас рождало в нем грусть и раздражительность.

Но мы глубже проникнем в его характер, если подслушаем те мысли, которые занимают его у ворот Катании, в маленькой часовне, где он только что остановился.

II. ИСТОРИЯ ПУТНИКА

Но я забыл объяснить — а вам нужно это знать, читатель, — почему Микеле вот уже год как находится в разлуке с отцом и сестрой.

Несмотря на хорошие заработки в Риме и вопреки своему покладистому характеру, Пьетранджело никак не мог привыкнуть к жизни на чужбине, вдали от любимой родины. Как истый островитянин, он считал Сицилию страной, во всех отношениях благословенной небом, а материк — местом изгнания. Когда жители Катании говорят о страшном вулкане, столь часто истребляющем и разоряющем их, они в своей любви к родной земле доходят до того, что называют его «наша Этна». «Ах, — сказал однажды Пьетранджело, проходя мимо лавы, извергнутой Везувием, — посмотрели бы вы на наш знаменитый лавовый поток! Вот это красота! Вот это сила! Тогда вы и заикнуться бы не посмели о вашей лаве». Он имел в виду страшное извержение 1669 года, когда огненная река докатилась до самого центра города и истребила половину населения и зданий. Гибель Геркуланума и Помпеи он считал сущим пустяком. «Подумаешь, — говорил он с гордостью, — я видывал землетрясения и почище! Вот приезжайте к нам, узнаете, что такое настоящее извержение!»

Он постоянно вздыхал о той минуте, когда снова сможет увидеть милый его сердцу раскаленный кратер и адскую пасть вулкана.

Когда Микеле и Мила, привыкшие видеть его всегда в добром расположении духа, замечали, что он задумчив и печален, они огорчались и беспокоились, как бывает всегда, когда видишь грустным того, кто обычно весел. Тогда он признавался, что думает о родимом крае. «Не будь у меня такого крепкого здоровья, — говорил он, — и не будь я столь благоразумен, я давно умер бы с тоски по родине».

Но когда дети заговаривали о том, чтобы вернуться в Сицилию, он многозначительно поводил пальцем, словно говоря: «Нельзя мне переезжать через пролив; избегнув Харибды, я бы разбился о Сциллу».

Раз или два у него вырвались слова: «Князь Диониджи давно уже умер, но еще жив его брат Джеронимо». А когда Микеле и Мила стали спрашивать, почему он боится этого князя Джеронимо, он, по обыкновению, погрозил пальцем и сказал: «Молчите, молчите! Зря я и произнес при вас эти имена».

Но однажды Пьетранджело, работая в одном из римских дворцов, нашел валившуюся на полу газету.

— Вот горе, что я не умею читать! — сказал он, протягивая ее Микеле, который зашел к нему по дороге из музея живописи. — Бьюсь об заклад, тут есть что-нибудь о милой моей Сицилии. А ну-ка, Микеле, взгляни на это слово: готов побожиться, что оно значит «Катания». Да, да, это слово я узнаю. Взгляни же и скажи мне, что делается сейчас в Катании.

Микель заглянул в газету и прочел, что в Катании предполагается осветить главные улицы газовыми фонарями.

— Боже мой! — воскликнул Пьетранджело. — Увидеть Этну при свете газовых фонарей! Вот-то будет красота! — И от радости он подбросил свой колпак до самого потолка.

— Тут есть еще одно сообщение, — продолжал юноша, просматривая газе-

ту. — «Кардинал, князь Джеронимо Пальма-роза, вынужден отстраниться от важных обязанностей, возложенных на него неаполитанским правительством. Его преосвященство разбит параличом, и жизнь его в опасности. До тех пор пока медицинская наука не выскажется определенно об умственном и физическом состоянии высокопоставленного больного, правительство временно вручает выполнение его обязанностей его сиятельству маркизу...»

— А какое мне дело кому? — в необычайном волнении воскликнул Пьетранджело, вырывая газету из рук сына. — Князь Джеронимо теперь отправится вслед за своим братом в могилу, и мы спасены! — И, словно опасаясь ошибки со стороны Микеле, он попытался сам, по складам, разобрать имя князя Джеронимо, а затем вернул сыну листок, прося его еще раз очень медленно и очень отчетливо прочитать сообщение.

Прослушав его вторично, он истово перекрестился.

— О провидение, — воскликнул он, — ты дозволяешь старому Пьетранджело увидеть кончину своих притеснителей и дожить до возвращения в родной город. Обними меня, Микеле! Это событие столь же важно для тебя, как и для меня. Что бы ни случилось, дитя мое, помни: Пьетранджело был тебе хорошим отцом!

— Что вы хотите сказать, отец? Разве вам еще угрожает опасность? Если вы вернетесь в Сицилию, я поеду вместе с вами.

— Мы еще поговорим об этом, Микеле, а пока... молчи! Забудь даже те слова, что у меня вывались.

Два дня спустя Пьетранджело, сложив пожитки, уехал вместе с дочерью в Катанию. Но Микеле, несмотря на все его просьбы, он не согласился взять с собой.

— Нет, — отвечал он, — я и сам не знаю наверное, смогу ли устроиться в Катании; еще сегодня утром я просил, чтобы мне читали газеты, и там нигде не написано, что кардинал Джеронимо умер. О нем вообще нет ни слова. А может ли человек, столь любимый правительством и столь богатый, умереть или выздороветь, не наделав при этом большого шума? Вот я и полагаю, что он еще дышит, но ему не лучше. Его временный заместитель — человек добрый, хороший патриот и друг народа. При нем я могу не бояться полиции. Ну, а вдруг случится чудо, и князь Джеронимо останется жив и поправится? Ведь мне придется тогда как можно скорее возвращаться сюда, в Рим; к чему же тебе прерывать свои занятия и пускаться в это путешествие?

— Но в таком случае, — сказал Микеле, — почему бы и вам не подождать, чем кончится болезнь князя? Я не знаю, почему вы так опасаетесь его и чем может грозить вам пребывание в Катании, этого вы никогда не хотели мне объяснить, но меня пугает, что вы отправляетесь туда один с нашей девчуркой, в страну, где неизвестно еще, как вас примут. Я знаю, что полиция в самодержавных монархиях подозрительна и придирчива; если вас арестуют хотя бы на несколько дней, что станет тогда с нашей маленькой Милой в городе, где вы уже никого не знаете? Позвольте же мне, ради всего святого, поехать с вами. Я буду защищать и беречь Милу, а когда увижу, что вас не трогают, что вы хорошо устроились и решили остаться в Сицилии, я снова вернусь в Рим, к своим занятиям.

— Да, Микеле, я все это знаю и понимаю, — ответил Пьетранджело. — У

тебя самого нет ни малейшего желания переехать в Сицилию, и твоему юному честолюбию не по вкусу жизнь на острове, где, как ты думаешь, нет ни памятников искусства, ни возможности заниматься им. Но ты ошибаешься, у нас столько чудесных памятников! В Палермо их просто не счесть! А Этна? Да ведь она — самое дивное зрелище, какое только природа может явить глазам художника. А что до картин, у нас их тоже достаточно. Морреалес подарил нашей Сицилии немало шедевров, которые вполне можно сравнить с сокровищами Рима или Флоренции.

— Простите, отец, — сказал, улыбаясь, Микеле, — но Морреалес никак не может сравниться ни с Рафаэлем, ни с Микеланджело, ни с мастерами флорентийской ююкы.

— А ты почему знаешь? Вот каковы они, детки! Ведь ты же не видел больших полотен Морреалеса, его лучших произведений? А какая у нас природа! Какое небо! Какие плоды! Настоящая земля обетованная!

— Но тогда, отец, позвольте мне ехать с вами, — сказал Микеле, — этого я только и прошу.

— Нет, нет, — поспешно ответил Пьетранджело, — я увлекся, расхваливая тебе Катанию, но не хочу, чтобы ты сейчас отправлялся туда; я знаю, тебя побуждает твое доброе сердце и забота о нас, но знаю также, что мечтаешь ты не о том. Вот когда тебя самого потянет на родину, когда пробьет твой час и тебя позовет судьба, тогда ты с любовью поцелуешь ту землю, на которую сейчас ступил бы с презрением.

— Все эти доводы, отец, ничтожны по сравнению с тем беспокойством, какое я буду испытывать во время вашего отсутствия. Лучше уж мне скучать и терять даром время в Сицилии, чем отпустить вас одних и терзаться здесь мыслями о грозящих вам бедах и опасностях.

— Спасибо, сынок, и прощай! — ответил старик, с нежностью обнимая его. — Если хочешь знать правду, я не могу взять тебя с собой. Вот тебе половина денег, какие у меня есть. Расходи их бережно, пока я сумею прислать тебе еще. Знай, что в Катании я не стану терять времени даром и усердно примусь за работу, чтобы дать тебе возможность продолжать твои занятия живописью. Дай мне только время добраться туда и устроиться, а уж работу я найду: у меня ведь на родине немало было покровителей и друзей, и я знаю, что кое-кого из них там встречу. А ты не воображай себя всяких там бед и опасностей. Я буду осторожен, и хотя лживость и трусость мне не свойственны, в жилах моих недаром течет сицилийская кровь, и при надобности я всегда сумею прикинуться хитрой старой лисой. Этну я знаю, как собственный карман, ущелья ее глубоки и долго смогут скрывать такого бедняка, как я. Ты знаешь, я хоть и тайно, но сохранил добрые отношения с родными. У меня есть брат, капуцин... О, это замечательный человек, и Мила в случае надобности всегда найдет у него приют и покровительство. Я буду писать — вернее, сестра твоя будет писать тебе как можно чаще, так что ты недолго останешься в неведении относительно нашей участи. Но сам ты в своих письмах ни о чем не спрашивай — полиция их вскрывает. И не вздумай упоминать в них имя князей Пальмароза, прежде чем я сам не заговорю о них.

— А до тех пор, — спросил Микеле, — я так и не узнаю, бояться ли мне этих господ, или ожидать от них милости?

— Тебе? Тебе-то, по правде сказать, бояться нечего, — ответил Пьетрандже-